

УДК 001, 001.3
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-2-30-28-39>

ISSN: 2542-0259
© Российское конкурентное право
и экономика, 2022

Российская наука как объект недобросовестной глобальной конкуренции

Клеева Л. П. *,
Максимов С. В.,
Институт проблем развития
науки РАН,
117218, Россия, г. Москва,
Нахимовский просп., д. 32

Аннотация

Статья посвящена анализу проявлений и последствий для российской науки феномена монополизации узкой группой зарубежных хозяйствующих субъектов (коллективным доминантом в информационно-технологической сфере) глобальных рынков НИОКТР, научных публикаций и обеспечивающих их услуг, включая услуги доступа к агрегированным научным данным и аналитике и др.).

Сделан вывод о том, что ключевым инструментом монополизации соответствующих рынков является лоббирование интересов коллективного доминанта в международных организациях и органах власти государств, представляющих интересы конкурентов, установление прямого и косвенного контроля над барьерами входа на рынок для всех иных участников.

По мнению авторов, недобросовестность глобальной конкуренции со стороны зарубежных участников коллективного доминирования по отношению к российским научным и образовательным организациям на соответствующих рынках проявляется, прежде всего, в абсолютной и относительной утечке из страны наиболее квалифицированных ученых и специалистов, а также результатов научной деятельности. Этому способствовало внедрение в регуляторную практику страны так называемых международных стандартов научной публикационной активности, отчетности, выполнения научно-квалификационных работ, глобального соревнования хозяйствующих субъектов в научно-образовательной сфере.

Авторы предлагают и обосновывают ряд мер, направленных на преодоление зависимости российской науки и высшей школы от негативного влияния глобальной недобросовестной конкуренции в соответствующей сфере. Основу этих мер должна составить разработка новой национальной (преимущественно экспертной) системы оценки эффективности научной деятельности, результативности научных и образовательных организаций, которая была бы ориентирована на обеспечение устойчивого развития, безопасности и суверенитета страны, укрепление духовно-нравственного здоровья нации и рост благополучия ее граждан.

Ключевые слова: наука; монополизация рынка научных результатов; коллективный доминант в информационно-технологической сфере; утечка мозгов; недобросовестная конкуренция; WoS; Scopus; Конвенция о науке.

Для цитирования: Клеева Л. П., Максимов С. В. Российская наука как объект недобросовестной глобальной конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 2 (30). С. 28–39, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-2-30-28-39>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Russian Science as an Object of Unfair Global Competition

Lyudmila P. Kleeva*,
Sergey V. Maksimov,

Institute of the Study of Science
of Russian Academy of Sciences
(ISS RAS),
Nakhimovsky Av., 32, Moscow,
117218, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of the manifestations and consequences for Russian science of the phenomenon of monopolization by a narrow group of foreign economic entities (the collective dominant in the information technology sphere) of the global R&D markets, scientific publications and services that provide them, including services for access to aggregated scientific data and analytics, etc.).

It is concluded that the key tool for monopolizing the relevant markets is lobbying the interests of the collective dominant in international organizations and state authorities representing the interests of competitors, establishing direct and indirect control over market entry barriers for all other participants.

According to the authors, the bad faith of global competition on the part of foreign participants in collective dominance in relation to Russian scientific and educational organizations in the respective markets is manifested primarily in the absolute and relative “leakage” of the most qualified scientists and specialists from the country, as well as the results of scientific activity. This was facilitated by the introduction into the regulatory practice of the country of the so-called “international” standards of scientific publication activity, reporting, performance of scientific qualification works, global competition of economic entities in the scientific and educational sphere.

The authors propose and justify a number of measures aimed at overcoming the dependence of Russian science and higher education on the negative impact of global unfair competition in the relevant field. The basis of these measures should be the development of a new national (mainly expert) system for assessing the effectiveness of scientific activities, the effectiveness of scientific and educational organizations, which would be focused on ensuring sustainable development, security and sovereignty of the country, strengthening the spiritual and moral health of the nation and increasing the well-being of its citizens.

Keywords: *science; monopolization of the market for scientific results; collective dominance in the information technology field; brain drain; unfair competition; WoS; Scopus; Science Convention.*

For citation: Kleeva L. P., Maksimov S. V. Russian Science as an object of unfair global competition // Russian Competition Law and Economy. 2022;(2(30)):28-39, (In Russ.), <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-2-30-28-39>

The authors declare no conflict of interest.

В современном мире конкурентоспособность национальных экономик и безопасность государств существенным образом зависят от качества и объема используемых научных результатов. Соответственно, любое суверенное государство стремится (или во всяком случае должно стремиться) обеспечить развитие собственной экономики за счет предельно эффективной локализации внедрения научных результатов, полученных как внутри страны, так и за рубежом, и одновременно — препятствовать свободному использованию своих научных достижений конкурентами или по крайней мере не помогать конкурентам безвозмездно.

На рынках научных результатов, работ и обеспечивающих их услуг, как и на любых других рынках, сильные игроки объективно и субъективно стремятся усилить свою рыночную власть вплоть до монополизации всех взаимосвязанных рынков. Поскольку выигрыш от такой монополизации на фоне изменения структуры глобальной экономики в пользу цифрового сегмента и экономики интеллектуальной собственности [1, 2] имеет определяющее не только экономическое, но и геополитическое значение, недобросовестная конкуренция на внешних рынках становится инструментом государственной политики крупнейших игроков, превалирующим над международным экономическим правом, включая принципы честного экономического соперничества.

Мировая научно-инновационная сфера к настоящему времени, на наш взгляд, стала одним из лидеров *латентной недобросовестной глобальной конкуренции*, завуалированной множеством привлекательных, но в действительности обманчивых организационных и правовых мер, эксплуатирующих идею заботы о благе всего человечества. Проследим, какие именно меры такого свойства в последние десятилетия были реализованы в нашей стране и в отношении нашей страны.

1. Утечка мозгов

Под «утечкой мозгов» (от англ. brain drain) до недавнего времени понималось физическое перемещение на неопределенно длительный срок или навсегда (эмиграция) за границу ученых и других квалифицированных специалистов в сфере интеллектуальной деятельности [3]. Даже если оставаться в рамках традиционного понимания «утечки мозгов», современную ситуацию в нашей стране нельзя считать отвечающей интересам ее науки, экономики и безопасности. По оценке бывшего главного ученого секретаря РАН Н. Долгушкина, число ученых, выехавших из России, начиная с 2012 г. увеличилось с 14 тыс. «до почти 70 тыс. человек ... сейчас Россия — единственная из развитых стран, где несколько десятилетий подряд сокращается число ученых. В 1990 г. Россия занимала первое место в мире по числу

ученых, но с тех пор их количество снизилось с 992 тыс. до 348 тыс., то есть на 65%»¹.

Однако приведенное выше определение понятия «утечка мозгов», на наш взгляд, нельзя считать удовлетворительным. Нужно, по меньшей мере, разграничивать *абсолютную и относительную утечку*, помня о том, что перемещение научных знаний и их носителей — это почти всегда дорога с двусторонним движением.

Абсолютной утечкой мозгов следует, по-видимому, признавать некомпенсируемое (прямо или косвенно) перемещение за рубеж научных кадров и представителей других групп интеллектуалов, т.е. безвозмездную и безвозвратную потерю их для страны как производителей новых знаний и непосредственно связанных с ними умений. *Относительной утечке* почти всегда соответствует встречный процесс, полностью, частично или с лихвой компенсирующий потери.

С развитием электронных средств сбора, обработки и передачи информации и, прежде всего, Интернета утечка мозгов стала возможной и даже превалирующей без физического перемещения ученых за границу — в форме работы преимущественно на зарубежные компании без выезда из страны.

Практика и последствия *виртуальной утечки мозгов* из России, по нашему мнению, никогда должным образом не анализировались и не оценивались российским регулятором в области науки, каковым в настоящее время является Минобрнауки России. Тем более данная практика не подвергалась государственной оценке с точки зрения обеспечения интересов конкурентоспособности российской науки на мировых рынках научных результатов, научных работ и обеспечивающих их услуг (например, доступа к агрегированным данным) как товаров, защиты законных интересов российских научных и образовательных организаций как хозяйствующих субъектов от недобросовестной конкуренции на внешних рынках.

Этому, несомненно, способствовало то обстоятельство, что до настоящего времени мировое сообщество так и не договорилось не только об общем понимании научной деятельности и ее результатов, условий и пределов защиты прав и законных интересов ученых, собственников и бенефициаров научных результатов, но и о противодействии недобросовестной конкуренции в этой сфере хотя бы в таких наиболее опасных ее формах, как злоупотребление доминирующим положением [4] и картель [5].

Применительно к утечке мозгов недобросовестность конкуренции, на наш взгляд, проявляется и в том, что воспитанники российских научных школ, получившие высшее образование и научную квалификацию, как

¹ См.: РАН: за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых // <https://nauka.tass.ru/nauka/11198355> (Дата обращения: 24.05.2022).

правило, за счет средств федерального бюджета, безвозмездно, а зачастую с доплатой за опубликование, передают полученные научные результаты зарубежным конкурентам российских хозяйствующих субъектов. Внешне это нередко выглядит как размещение научных публикаций в открытом доступе после нескольких месяцев рецензирования неизвестными автору рецензентами. Мы уже привыкли к тому, что российские хозяйствующие субъекты во многих ключевых сферах экономики (в том числе в сфере науки и образования) вынуждены не только на внешних рынках, но и у себя дома на равных (с точки зрения буквы закона) состязаться с рыночными монополистами и доминантами, находясь в заведомо более слабой позиции. Последнее (с некоторыми оговорками) распространяется и на российскую научную периодику.

Во все возрастающей степени преимущество в науке (и, как следствие, в технологиях) получает тот, кто располагает системным знанием о направлениях, концептах, ключевых результатах, руководителях и основных исполнителях исследований, проводимых конкурентами. Это позволяет не только отобрать наиболее перспективные в экономическом смысле идеи и методы их реализации, но и экономить на бесплодных исследованиях, выполненных чужими руками, быстро лишиться потенциального конкурента самой возможности конкурировать. В этой связи виртуальная и реальная утечка мозгов выступают специфическими инструментами паразитирования доминирующих на соответствующих рынках зарубежных компаний (и, по-видимому, отдельных зарубежных государств) на российской науке, обеспечивающими коллективное доминирование [6] или монополию последних на большинстве наукоемких мировых рынков.

Утечка мозгов может проявляться не только в форме работы российских ученых по договорам с зарубежными компаниями, государствами и государственными учреждениями² без должной защиты правоохраняемых интересов нашей страны в области интеллектуальной собственности и должного возмещения бюджетных затрат на подготовку специалистов и получение научных результатов. Обратной стороной утечки мозгов является вольное и невольное создание препятствий на пути функционирования отечественной науки (разумеется, как правило, без цели навредить развитию науки в стране).

Хотя в официальной печати время от времени публикуется информация о внешне безмотивных убийствах ученых и специалистов, работавших над критическими, в том числе оборонными технологиями³, этот инструмент (физическое устранение ведущих ученых) вряд ли можно (даже гипотетически) отнести к типичным проявлениям непримиримого экономического соперничества.

Как показывает анализ правоприменительной практики, утечка мозгов может осуществляться и в форме государственной измены, т. е. путем совершения гражданином страны, в частности, таких действий, как *«шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе ... оказание ... консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации»* (ч. 1 ст. 275 УК РФ)⁴. Так, в апреле 2021 г. за государственную измену и ряд смежных преступлений Мосгорсуд приговорил к 20 годам лишения свободы г-на В., доцента Московского авиационного института⁵. Почти одновременно по обвинению в совершении государственной измены был арестован Г., профессор МФТИ и ведущий научный сотрудник ЦАГИ⁶. Арестованный открыто публиковал результаты своих исследований по тематике гиперзвука с зарубежными коллегами и официально участвовал в проекте, который осуществлялся на базе нидерландского научного центра ESA-ESTEC и частично финансировался Европейским космическим агентством. При этом нельзя не обратить внимание на то, что и *«работа российских ученых в зарубежных научных коллективах, на базе зарубежных научных центров и университетов, и опубликование результатов НИОКР в высококвартельных зарубежных научных журналах, индексируемых Web of Science, до недавнего времени (18 марта 2022 г.) рассматривались Минобрнауки России, ВАК при Минобрнауки России, Российским научным фондом (РНФ), а вслед за ними почти всеми вузами и НИИ как *наивысшее научное достижение*, заслуживающее наибольшего бюджетного и внебюджетного стимулирования.*

² До недавнего времени (до 18 февраля 2022 г.) эта практика поощрялась российским государством в различных формах вне зависимости от того, являются ли такие зарубежные организации и государства конкурентами российских организаций (а применительно к государствам — геополитическими конкурентами или противниками России) применительно к соответствующему товарному рынку, в том числе перспективному.

³ Богданов В. Серийная смерть (за последние месяцы зверски убиты несколько ученых и специалистов в самолетостроении) // Российская газета. 2010. 12 окт.

⁴ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Егоров И. Доцент МАИ получил 20 лет за госизмену и попытку контрабанды // Российская газета. 2021. 23 апр.

⁶ Петров И. Профессор МФТИ и специалист по гиперзвуку арестован по делу о госизмене // Российская газета. 2021. 13 апр.

Еще недавно научный коллектив был вправе рассчитывать на получение гранта лишь в том случае, если потенциальный руководитель исследования имел не менее 10 публикаций по тематике проекта в журналах, индексируемых WoS (более 97% которых не являются российскими)⁷.

Несмотря на то, что государственную (почти 30-летнюю) политику поощрения российских ученых к сотрудничеству с зарубежными организациями и государствами, которая была одним из основных направлений развития отечественной науки и высшей школы, *нельзя рассматривать как подстрекательство* к незаконной передаче таким организациям и государствам результатов научной деятельности, создаваемый ею фон наибольшего благоприятствования стремящемуся за рубеж потоку научных знаний и ученых, на наш взгляд, объективно способствовал пренебрежению правовыми и моральными ограничениями.

Одновременно нельзя не видеть оборотной стороны этой практики как своеобразной *школы искушения тщеславием*, способствовавшей укоренению у части российской научной интеллигенции чувства причастности к элитарному клубу признанных Западом «настоящих» лидеров науки, заслуживающих в силу этого наиболее высокой материальной и иной оценки, и, одновременно, как *школы компрадорства* — постепенного приучения российских ученых, организаций и государства с помощью искренних внутренних сторонников «всего передового в науке и образовании» (обычно западного) или просто зарабатывающих таким образом ученых и преподавателей к необходимости пользоваться, а затем и покупать такие новые и якобы совершенно необходимые для успешного занятия наукой товары, как навыки по увеличению индекса Хирша, доступ к «международным» базам научных данных, услуги по обеспечению роста квартильности научного издания или международного рейтинга вуза (например, для того, чтобы за пять лет переместиться с 801-го на 799-е место в Рейтинге мировых университетов QS World University Rankings, который контролируется соз-

данным в 1990 г. британским агентством Quacquarelli Symonds (QS)⁸ и др. [7, 8].

Нетрудно убедиться в том, что новейшие глобальные рынки научных результатов, связанных с ними услуг и работ формировались на основе принципов монополизации и доминирования без учета мнения «слабых игроков». Важно понимать, что польза от международной научной кооперации для каждого государства и каждой научной организации определяется прежде всего отношением полученной экономической выгоды к произведенным затратам.

Как это ни удивительно, но ни на общегосударственном уровне, ни на уровне профильного министерства и большинства российских вузов и НИИ до настоящего времени *не предпринимались попытки* (во всяком случае, авторы не располагают соответствующими сведениями) подсчитать *совокупные выгоды от такой кооперации и затраты на ее поддержание* (если, конечно, не уверовать безосновательно в то, что основные выгоды от международной научной кооперации состоят в опубликовании научных статей в журналах, индексируемых Web of Science или Scopus, за подготовку и опубликование которых авторы получили зарплаты и премии из федерального бюджета и (или) заплатили за публикации из своих зарплат и будущих премий).

На наш взгляд, экономические критерии утечки мозгов в различных ее проявлениях должны быть введены в практику оценки эффективности работы Минобрнауки России, РАН, РНФ и всех финансируемых (полностью или частично) за счет бюджетных средств научных и образовательных организаций.

Все виды поощрения или организации хозяйствующими субъектами (в том числе иностранными) или органами власти абсолютной и относительной утечки мозгов должны, на наш взгляд, оцениваться и российским антимонопольным регулятором с точки зрения наличия у такого поведения признаков недобросовестной конкуренции, антиконкурентных соглашений или злоупотребления доминирующим положением.

2. Утечка научных результатов из страны

Помимо утечки мозгов с начала радикальной постсоветской экономической реформы из России в огромных объемах стали «утекать» (вывозиться, выноситься, пересылаться, экспортироваться) научные результаты (включая

⁷ См.: <https://rscf.ru/contests> (Дата обращения: 01.05.2022). Уже после завершения приема заявок на получение грандов по ряду конкурсов 2022 г. РНФ исключил упоминание с требованием обязательного наличия у руководителя исследования публикаций в изданиях, индексируемых WoS, заменив его на внешне более «патриотичное» «Издания, индексируемые в библиографических зарубежных базах данных публикаций и/или Russian Science Citation Index (RSCI)». Как следует из разъяснений на официальном сайте eLibrary, «Russian Science Citation – Совместный проект Российской академии наук, компаний Clarivate Analytics и Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU — коллекция лучших российских журналов на платформе Web of Science» (https://www.elibrary.ru/project_rsci.asp? (Дата обращения: 25.05.2022). Clarivate Analytics — это американская компания, являющаяся собственником платформы WoS. — Прим. авт.

⁸ В данном «мировом» рейтинге с момента его учреждения первые 10 мест традиционно занимают вузы США и Великобритании. Одним из наиболее весомых индикаторов QS World University Rankings является «число цитирований научных публикаций университета на одного сотрудника». В 2021 г. в первую сотню участников данного рейтинга (1002 вуза) вошел лишь МГУ им. М.В. Ломоносова (74-е место). — Прим. авт. См.: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021> (Дата обращения: 15.05.2022).

незавершенные). Разумеется, как и в случае с утечкой мозгов, этот процесс сопровождался встречным потоком научных результатов. Однако, если наше государство, его граждане и организации и вчера, и сегодня исправно платили и продолжают платить за использование чужих научных результатов, при создании на их основе продукции, то утечка за рубеж научных результатов на первом этапе осуществлялась на иных принципах.

Этому способствовала не только формальная неразвитость права интеллектуальной собственности, информационного и патентного права в нашей стране, но и относительное обнищание большинства научных сотрудников и работников вузов, отчасти сохраняющиеся и сегодня.

В 1990-х гг. передача и изъятие соответствующих научных результатов обычно осуществлялись безвозмездно для фактического правообладателя или за бесценок с помощью многочисленных некоммерческих организаций по поддержке молодых ученых, женщин и других категорий работников, причем эта деятельность велась даже в закрытых научных центрах — городах [9]. Среди подобных организаций заметно выделялся начавший работать в 1995 г. в России Фонд «Открытое общество» («Open Society Foundation», OSF), учрежденный Дж. Соросом. Помимо создания многочисленных интернет-центров этим Фондом были выданы гранты почти 65 тыс. российских ученых, преподавателей, студентов и школьных учителей. Для большинства из них грант в размере 500 долл. США в тот период равнялся или превышал годовой доход. В литературе можно встретить множество публикаций о расходах OSF на поддержку российских ученых (в 1999 г. поддержка Фондом российских ученых была почти полностью прекращена), но при этом трудно найти хотя бы одно исследование, посвященное оценке прямых и косвенных доходов OSF, в том числе связанных с вовлечением российских ученых в международную научную кооперацию [10].

К началу XXI в. интенсивность финансируемой зарубежными бенефициарами утечки из страны научных результатов существенно снизилась и на смену ей пришла новая модель — *утечка за рубеж научных результатов по «отрицательной цене»*, т. е. за плату. Этот переход, на наш взгляд, следует считать закономерным следствием формирования в российской научной среде (как и в научной среде многих других стран) искусственно сформированного спроса на публикации в изданиях, индексированных WoS и Scopus, как на своеобразные бусы для индейцев в обмен на Манхэттен.

Крупнейшие зарубежные наукоориентированные медиагиганты и издательства (в частности, Томсон Рейтерс (Thomson Reuters) — создатель и первичный собственник WoS, один из создателей глобального рейтинга университетов QS, Эльзевир (Elsevier) — издательство, контролирующее четверть мирового рынка научной периодики, создатель и владелец Scopus — рефератив-

ной базы данных, индексирующей 24 тысячи научных изданий) несмотря на свои колоссальные возможности вряд ли могли сформировать этот спрос без помощи национального регулятора, многочисленных сознательных и случайных сторонников в государственном аппарате, научных и образовательных организациях.

Поскольку платежеспособность среднестатистического научного работника и преподавателя большинства вузов и НИИ нашей страны на протяжении последних 30 лет была, да и остается, слишком низкой для того, чтобы оплачивать публикации в журналах Open Access, подписку на зарубежные журналы, доступ к зарубежным реферативным базам данных, большей части статей, размещенных в eLibrary или, например, в автоматизированных правовых базах данных, то для развития российского сегмента глобального рынка ориентированных на WoS и Scopus научных продуктов нужен был крупный инвестор. По понятным причинам в России платежеспособным участником этого глобального рынка (покупателем и продавцом «по отрицательной цене», т. е. еще раз покупателем) помимо единиц граждан и организаций могло стать лишь само Российское государство.

Наряду с оплатой за счет бюджетных средств доступа работников государственных вузов и НИИ к зарубежным базам научных данных Минобрнауки России сформировало правовой механизм, предусматривающий приоритетное финансирование тех научных организаций, сотрудники которых опубликовали наибольшее количество впервые полученных результатов в высококвартильных (преимущественно зарубежных) журналах WoS, что автоматически повлекло за собой формирование в таких организациях развитой системы «кнута и пряника» для своих сотрудников. Рекомендации иметь публикации в журналах, индексированных в WoS и Scopus, постепенно превратились в обязательные требования для соискателей ученых степеней, кандидатов в члены диссертационных советов, экспертных советов и президиума ВАК при Минобрнауки России, соискателей грантов Российского научного фонда.

Если принять во внимание то обстоятельство, что стоимость публикации для автора в высококвартильных журналах открытого доступа (без учета стоимости услуг по приведению рукописи в соответствие с требованиями таких журналов) может превышать 9 000 евро [11], которые могут быть компенсированы лишь наиболее преуспевающими вузами и НИИ, то окажется, что Российское государство до самого последнего времени не только допускало, но и финансировало утечку научных результатов из страны, поддерживая своими бюджетными ресурсами монополю высокие цены на глобальных олигопольных рынках публикаций, индексировемых WoS и Scopus.

Искусственное повышение уровня рыночной власти владельцев и членов «клуба WoS и Scopus» за счет бюджетных ресурсов отдельных стран нельзя считать ничем, кроме как недобросовестной конкуренцией.

3. «Перевод» науки в образовательные учреждения

Так называемый перевод отечественной науки в вузы начался в начале текущего века. На первом этапе в число показателей эффективности аккредитованных высших учебных заведений было включено выполнение научных исследований. В дальнейшем был осуществлен переход на национальные проекты, предполагающие осуществление вузами научных исследований и их целевое финансирование из бюджета. Этому объективно способствовал стартовавший в 2013 г. и продолжающийся по сей день процесс непрерывного реформирования РАН⁹ и системы управления научными институтами, учрежденными РАН¹⁰, который, на наш взгляд, закономерно вытеснил собственно научные вопросы из приоритетов развития российской науки в пользу хозяйственных вопросов, включая не просто бесполезное, но скорее вредное для развития национальной науки совершенствование правил распределения бюджетных ресурсов на основе библиометрических показателей.

Одновременно стали вводиться новые требования (барьеры) к открытию и функционированию аспирантуры и докторантуры в научных организациях (в том числе ранее входивших в систему РАН). Наконец узкий круг образовательных и научных организаций (на 24 мая 2022 г. — 6 научных и 22 образовательные организации высшего образования) без убедительной мотивации и на основании делегированных законодателем Правительству РФ полномочий определять круг организаций, самостоятельно присуждающих ученые степени, получил право самостоятельно (то есть без обязательной экспертизы профильного экспертного совета ВАК при Минобрнауки России применительно к кандидатским диссертациям и без решения президиума ВАК при Минобрнауки России применительно к докторским диссертациям) присуждать ученые степени¹¹. Число образовательных организаций, получивших такое право, в несколько раз превышает число научных организаций, наделенных таким правом.

⁹ См.: Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 39. Ст. 4883.

¹⁰ См.: Указ Президента РФ от 27.09.2013 № 735 О Федеральном агентстве научных организаций // Рос. газета. 2013. 30 сент.; Постановление Правительства РФ от 25.10.2013 № 959 (ред. от 03.06.2017) «О Федеральном агентстве научных организаций» (вместе с «Положением о Федеральном агентстве научных организаций») // СЗ РФ. 04.11.2013. № 44. Ст. 5758.

¹¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2017 г. № 1792-р (ред. от 17 августа 2021 г.) «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым — четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ» // СЗ РФ. 28.08.2017. № 35. Ст. 5392.

Как это ни удивительно, но РАН отсутствует в списке организаций, которые наделены соответствующим правом.

Это весьма важное конкурентное преимущество «вневаковских» организаций, на наш взгляд, нельзя считать обоснованным, поскольку первые продолжили оставаться участниками рынка по оказанию платных услуг, связанных с подготовкой и защитой диссертаций, но со значительно меньшими для соискателей рисками неприсуждения ученых степеней после защиты.

Общим итогом названных реформ с 1991 по 2020 г. в совокупности с рядом иных факторов стало уменьшение числа научных организаций на 40% при одновременном росте числа осуществляющих научные исследования образовательных организаций в 2,5 раза [13].

Все еще продолжающийся «перевод» науки в образовательные организации высшего образования, на первый взгляд, должен рассматриваться как инструмент развития конкуренции среди хозяйствующих субъектов в сфере науки. Однако древо познается по плодам. При этом важно учесть ряд существенных обстоятельств.

Первое. Процесс «перевода» науки в образовательные организации происходил одновременно с резким сокращением их количества, прежде всего путем отказа в аккредитации, непродления и отзыва лицензий *преимущественно у негосударственных вузов*. Последние объективно не могли на равных конкурировать с государственными образовательными организациями, поскольку не только были лишены бюджетного финансирования, но и не располагали внушительной материальной базой, которая была для первых, по сути, бесплатным ресурсом.

Если в конце XX — начале XXI в. рынок образовательных услуг был почти рынком совершенной конкуренции (с учетом того, что на этом рынке невозможны полная информированность потребителя относительно действительных свойств предлагаемых услуг), административные барьеры были относительно низкими, государственная аккредитация нужна была вузу лишь для выдачи диплома государственного образца, на который значительная часть работодателей не ориентировалась, исходя из того, что негосударственные вузы в большей степени ориентированы на передачу актуальных знаний и способны нанимать лучших преподавателей.

К началу второго десятилетия XXI в. общее число вузов в стране резко сократилось (рис. 1).

Одновременно сокращалась и численность обучающихся в них студентов (рис. 2).

Существенный рост ресурсообеспеченности сложившихся к концу второго десятилетия на отраслевых рынках образовательных услуг [12] в России групп коллективно доминирующих государственных вузов позволил им стать доминантами и на псевдорынках «премиального» государственного субсидирования и публичных закупок НИОКР, вытеснив с них большинство государственных и негосударственных научных организаций,

Рис. 1. Число образовательных организаций высшего образования в России (1990—2015)¹²
Figure 1. Number of educational institutions of higher education in Russia (1990—2015)

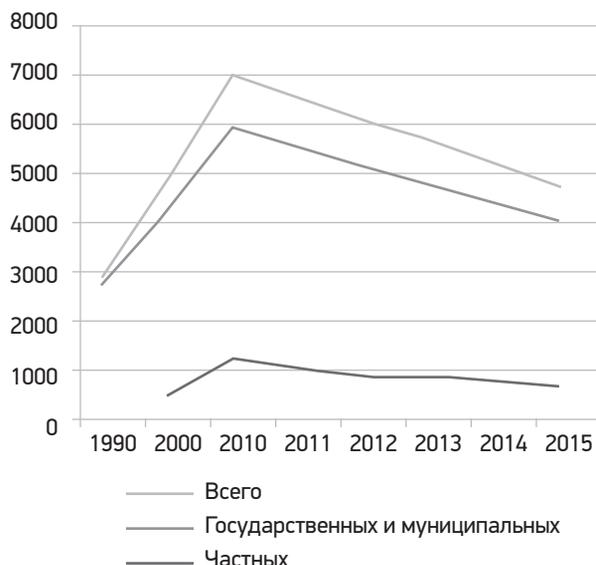

Рис. 2. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в образовательных организациях высшего образования в России (тыс. чел.)¹³

Figure 2. The number of students studying under the programs of bachelor's, specialist, master's degree in educational institutions of higher education in Russia (thousand people)

наглядно подтверждая один из базовых принципов монополизации «деньги идут к деньгам».

Второе. «Перевод» науки в образовательные организации сопровождался относительным и абсолютным снижением бюджетного финансирования научных организаций (прежде всего, подведомственных до 2013 г. РАН), включая их аспирантуру, докторантуру, научно-издательскую деятельность, в том числе издание научной периодики, т. е. ключевых механизмов самовоспроизводства науки.

Подобно тому как на заре рыночных реформ наше государство решило, что развитие собственного производства самолетов до мирового уровня лишено смысла, поскольку мы всегда сможем купить все, что нам нужно, у зарубежных производителей, было решено, что затраты на услуги и продукцию зарубежных научных издательств и журналов будут ниже затрат на развитие собственной научной периодики. При этом никакой реальной оптимизации деятельности научных организаций не произошло. Напротив, сегодня в ведение Минобрнауки России перешли сотни разнопрофильных научных организаций, осуществляющих преимущественно фундаментальные исследования, оценить подлинную

результативность которых и соответствие потребностям государства и самой науки единый регулятор просто не в состоянии. В этой связи использование регулятором комплексного балла публикационной результативности (КБПР) как основного показателя результативности научных организаций¹⁴, оказывающего решающее влияние на размер их бюджетного финансирования, нужно рассматривать не только как стремление упростить сложную задачу распределения бюджетных ресурсов на науку, но и как неготовность регулятора к делегированию этих полномочий научному сообществу.

Ключевая ошибка концепции «перевода» науки из научных организаций в образовательные, на наш взгляд, состоит в непонимании принципиальных различий в природе научной и образовательной деятельности, организации и мотивации труда ученых и преподавателей

¹² См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (Дата обращения: 22.05.2022).

¹³ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/peg-rok17.pdf> (Дата обращения: 26.05.2022).

¹⁴ Письмо Минобрнауки России от 14 января. 2020 г. № МН-8/6-СК «О корректировке государственного задания с учетом методики расчета комплексного балла публикационной результативности» (вместе с Методикой расчета качественного показателя государственного задания «Комплексный балл публикационной результативности» для научных организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации на 2020 год, утв. Минобрнауки России 30 декабря 2019 г.) // <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 24.05.2022).

в современных условиях. Для последних выполнение учебной нагрузки, систематическая подготовка к занятиям, строгое расписание являются абсолютным приоритетом, который всегда будет подавлять естественную для значительной части преподавателей тягу к научному поиску. Наука, как известно, требует полной отдачи и даже, как справедливо отмечал проф. Л. Д. Гаухман, самопожертвования [13, с. 9]. В противном случае вы всегда будете иметь вместо реальных научных результатов лишь публикационную активность и быстро проходящую известность.

4. Переход российской научной периодики, отчетности и диссертационных исследований на «международные» стандарты

Переход российских научных журналов на так называемые международные стандарты (на сегодня отсутствуют какие-либо международные соглашения России по данному предмету) первоначально затронул научные журналы вузов, а затем стал распространяться и на научную периодику РАН, ее институтов, независимые научные издания. Основные особенности этих новых правил сводились к механическому использованию различных автоматизированных инструментов выявления плагиата (антиплагиат), введению лимита на долю цитируемого текста от общего объема статьи, введению лимитов минимального и максимального числа источников цитирования (прежде всего, зарубежных авторов), введению ограничений на самоцитирование, обязательному сопровождению научной статьи детальной аннотацией на английском языке, раскрывающей основное содержание статьи, но не дублирующей ее выводы.

Все эти новые правила при кажущейся их направленности на борьбу с научной небрежностью, лженаукой, коррупцией в различных ее проявлениях имеют и свою оборотную сторону [9]. Например, введение лимита на общий объем цитируемого текста (включая тексты законодательных актов, материалы официальной статистики, показателей, состоящих из более чем пяти слов и т. п.), как показывает анализ, служит не столько интересам науки, сколько интересам издателей и агрегаторов информации (полнотекстовых или реферативных баз данных), среди которых, как уже отмечалось, абсолютно доминируют зарубежные компании, связанные с приобретением исключительных прав на *впервые публикуемые научные результаты, а также прав на доступ к совокупности таких результатов, сравнительным и обобщенным данным о них, которые также могут быть проданы.*

Те же правила, но в зеркальном их отражении, были распространены и на авторов научных статей, желающих, чтобы с их научными достижениями познакомилось наибольшее число специалистов или их элитарный круг (читатели наиболее престижных журналов). Размеры авторского платежа за публикацию статьи в журналах

Open Access нередко пропорциональны объему впервые публикуемых научных результатов (чем больше новых фундаментальных научных знаний автор намерен передать в общее пользование, тем больше он должен заплатить), хотя с точки зрения здравого смысла должно быть ровно наоборот.

Введение ограничений на самоцитирование во многих случаях с одной стороны провоцирует автора на изложение ранее сформулированных идей в формально новом виде (что вряд ли можно считать полезным для науки), а с другой — принуждает заинтересованного читателя для уяснения смысла прочитанного дополнительно оплачивать доступ к ранее опубликованным работам автора. Одновременно данное ограничение стимулирует постоянное расширение круга авторов за счет начинающих научных работников, осваивающих старые «горизонты» знаний новыми словами.

За обязательным требованием раскрыть содержание статьи в аннотации на английском языке помимо «ненавязчивого» придания последнему статуса международного языка общения всех ученых нельзя не видеть заинтересованности конечных бенефициаров в снижении затрат на перевод научных текстов, обработку, анализ и, самое главное, на *оценку реальной и потенциальной экономической и политической полезности научных результатов и их авторов.*

По сути за каждым так называемым международным научным публикационным стандартом скрыт коммерческий интерес того или иного хозяйствующего субъекта.

Именно в этом, на наш взгляд, состоит ключ к пониманию причин удивительно быстрого перехода почти всей российской научной периодики на новые «международные» стандарты.

Те же «международные» стандарты укоренились и в практике научной отчетности, и в требованиях к выполнению научно-квалификационных работ (диссертационных исследований). При этом возник парадоксальный и до сих пор официально неразрешенный конфликт между навязываемым диссертационными советами (со ссылкой на позицию ВАК при Минобрнауки России) диссертантам требованием максимальной (желательно стопроцентно) «чистой» оригинальности, а в сущности формальной новизны, и требованиями Положения о присуждении ученых степеней, согласно которым основные научные результаты диссертации «должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях» (п. 11), при том, что по докторским диссертациям число научных публикаций не может быть меньше 10, а по кандидатским — 2 (п. 13)¹⁵.

Формальной основой существующего конфликта стало то, что после обязательной проверки текста диссертации

¹⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 11.09.2021) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // СЗ РФ 07.10.2013. № 40 (ч. III). Ст. 5074.

на заимствования с использованием рекомендованной диссертационным советам автоматизированной системы «Антиплагиат», настроенной на выявление и фиксирование любого ранее опубликованного текста (в том числе самим диссертантом), уровень «неоригинальности» диссертации нередко оказывается настолько низким, что соискателю предлагается переписать текст другими словами в надежде на то, что «Антиплагиат» сочтет их «новыми», или отдать текст на переработку «умельцам».

Феномен предъявления к защите (как и опубликования) ранее опубликованного собственного текста получил название «*самоплагиата*», что с юридической точки зрения является нонсенсом, поскольку автор не может незаконно заимствовать у себя им же созданный текст, хотя может нарушить порядок цитирования своего собственного текста или запрет правообладателя на любое (не только коммерческое) опубликование текста, который автор ему уступил за вознаграждение.

В наихудшем положении нередко оказываются те, кто обязан в силу особенностей научной специальности или предмета исследования систематически цитировать и сравнивать нормативные положения, из-за чего уровень специфической «оригинальности» («чистой» новизны) таких диссертаций неизбежно падает. Поскольку исказить тексты нормативных правовых актов и иных нормативных документов нельзя, то увеличивать «оригинальность» приходится за счет формально нового, но нередко бессмысленного текста.

Закономерным следствием укоренения этой практики в нашей стране стало формирование внушительного полутеневого рынка «услуг по повышению уровня оригинальности научных статей, отчетов и диссертаций», который лишь усиливает доминирующее положение на соответствующих рынках тех хозяйствующих субъектов, для обеспечения интересов которых повсеместно внедряются «международные» публикационные стандарты.

В последние годы рассмотренные выше проблемы развития российской науки, обусловленные вольным или невольным попустительством или содействием со стороны нашего научного сообщества и регулятора антиконкурентному поведению крупнейших игроков на глобальных рынках научных результатов, НИОКТР и обеспечивающих их услуг, все чаще становятся предметом внимания российских ученых [14, 15]. Росту внимания к этим проблемам во многом способствовала реализуемая с 2019 г. совместная инициатива Научного совета РАН по проблемам защиты и развития конкуренции и ФАС России по разработке дорожной карты развития конкуренции в сфере науки РАН [7, с. 61], которая была поддержана Правительством России в сентябре 2021 г.¹⁶

Эта дорожная карта должна была быть разработана совместно Минобрнауки, ФАС и Минпросвещения России по согласованию с РАН и утверждена Правительством России в срок до 1 марта 2022 г. Первоначальный срок был вынужденно перенесен самим Правительством на 1 сентября 2022 г., поскольку за несколько дней до установленной даты утверждения документа Минобрнауки России вместо согласованного проекта дорожной карты внесло на рассмотрение Кабинета доклад, указывающий на предложение Научного совета РАН по защите и развитию конкуренции дополнить данную карту разделом, посвященным конкуренции в сфере высшего образования.

Несмотря на задержку с принятием дорожной карты развития конкуренции в сфере науки Правительство России уже приступило к реализации отдельных положений проекта, подготовленного ФАС России и рабочей группой Научного совета РАН по проблемам защиты и развития конкуренции, касающихся преодоления зависимости от искажающей базовые условия конкуренции системы оценки результативности научных и образовательных организаций от зарубежных баз научного цитирования Web of Science и Scopus¹⁷.

Однако ввести для органов власти и их учреждений запрет на установление обязательных для ученых и научных и образовательных организаций требований иметь публикации в изданиях, индексированных Web of Science и Scopus, очевидно недостаточно для того, чтобы остановить огромную инерцию осознанного и бессознательного компрадорства в российской научной сфере.

В частности, до настоящего времени не пересмотрена официальная позиция России по отношению к проекту ЮНЕСКО «Открытая наука», сутью которого, на наш взгляд, является создание максимально благоприятных условий для того, чтобы стимулировать большинство стран увеличить объемы поставки «научного сырья» доминирующей на рынках научных продуктов группе зарубежных компаний в удобной для них форме (разумеется, на английском языке) и по отрицательной стоимости, т. е. приплачивая за опубликование своих научных результатов.

При внимательном анализе этого проекта трудно не увидеть идейной основы того мирового научного порядка, в котором большая часть человечества должна *ad finem saeculorum* покупать на Западе все «самое новое, наукоемкое и полезное» из-за неспособности к самостоятельной переработке «научного сырья» [16].

¹⁶ См.: Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2021 г. № 2424-р «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в РФ на 2021—2025 гг.» // СЗ РФ. 13.09.2021. № 37. Ст. 6553.

¹⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 19 марта 2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности» // СЗ РФ. 28.03.2022. № 13. Ст. 2076.

Выводы

1. Современная мировая наука в ее экономическом измерении превратилась в глобальную систему взаимосвязанных монопольных рынков (НИОКТР, первичных результатов научной деятельности, включая публикации, обеспечивающих их услуг, в том числе доступа к агрегированным данным и аналитике и др.), на которых в настоящее время доминирует узкая группа хозяйствующих субъектов, контролируемых странами коллективного Запада, являющимися информационно-технологическими лидерами.

2. Основным инструментом монополизации соответствующих рынков служит недобросовестная конкуренция, опирающаяся на разнообразные формы лоббирования коллективным доминантом в информационно-технологической сфере своих интересов как в международных организациях, так и в органах власти государств, а также на установление полного контроля над введением и поддержанием высоких барьеров входа на рынок для всех иных участников.

3. Недобросовестность глобальной конкуренции в научной сфере по отношению к российским научным и образовательным организациям проявилась, прежде всего, в организации в интересах коллективного зарубежного доминанта безвозмездной, а затем и оплачиваемой за счет бюджетных средств России абсолютной и относительной утечки из страны наиболее квалифицированных ученых и специалистов, а также наиболее ценных результатов научной деятельности. Достижению данной цели способствовало вольное и невольное внедрение в регуляторную практику России в сфере науки и образования так называемых международных стандартов научной публикационной активности, отчетности, выполнения научно-квалификационных работ, глобального соревнования хозяйствующих субъектов в научно-образовательной сфере, которые отвечают преимущественно интересам такого доминанта.

4. Ключевым условием преодоления зависимости российской науки и высшей школы от негативного влияния недобросовестной конкуренции со стороны узкой группы зарубежных участников коллективного доминирования, на наш взгляд, является переход национальной научно-образовательной сферы на собственную систему оценки эффективности научной и образовательной деятельности, результативности научных и образовательных организаций, ориентированную на обеспечение устойчивого развития, безопасности и суверенитета страны, укрепление духовно-нравственного здоровья нации и рост благополучия ее граждан за счет целевой государственной поддержки мер:

а) восстановления, развития и создания национальных научных школ, научных издательств и научной периодики;

б) максимальной полной локализации и коммерциализации на базе российских предприятий результатов

НИОКТР, полученных как российскими, так и зарубежными учеными или с их участием;

в) репатриации ведущих ученых и специалистов;

г) противодействия монополизации внешних рынков научных продуктов и обеспечивающих услуг (в частности, путем инициирования Россией разработки и принятия Конвенции ООН о науке, направленной на обеспечение баланса в реализации и защищенности интересов членов мирового сообщества, их организаций и граждан в сфере науки). ■

Литература [References]

1. Белоусов Ю. В. Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 26—43, DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43. [Belousov Yu. V. Digital economy: concept and trends of development // Journals established by the Institute of Economics RAS. 2021;(1):26-43, (In Russ.), DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43]
2. Леонтьев Б. С. Экономика интеллектуальной собственности как новая научная дисциплина // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 3. С. 65—71. [Leontyev B. B. IP economics as a new discipline // ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice. 2013;(3):65-71, (In Russ.)]
3. Ащеулова Н. А., Душина С. А. “Brain drain or brain gain”: некоторые тенденции научной политики стран периферии // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 1. С. 88. [Asheulova N. A., Dushina S. A. “Brain drain or brain gain”: new trends in science policy of periphery countries // Sociology Of Science and Technology. 2012;3(1):88, (In Russ.)]
4. Куприянов А. Д. Патент на изобретение как инструмент злоупотребления доминирующим положением на рынке // Право и экономика. 2020. № 1. С. 48—55. [Kupriyanov A. D. An invention patent as a tool of abusing the dominant position in a market // Law and economics. 2020;(1):48-55, (In Russ.)]
5. Lisitsyn-Svetlanov A. G., Bashlakov-Nikolaev I. V., Zavarukhin V. P., Maksimov S. V. Cartelization of the Russian economy: the main causes, consequences, and ways of their elimination // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Т. 90. № 5. С. 567—576, DOI: 10.1134/S1019331620050159.
6. Башлаков-Николаев И. В. Коллективное доминирование: вопросы теории и практики. Монография. М.: Проспект. 2021. 168 с. [Bashlakov-Nikolaev I. V. Collective dominance: issues of theory and practice. Monograph. M.: Prospect. 2021. 168 p., (In Russ.)]
7. Концепция развития конкуренции в сфере науки / С. И. Черных, С. В. Максимов, Л. Э. Миндели, Е. В. Осипова, Т. Г. Смирнова, Н. Д. Фролова. Монография. М.: ИПРАН РАН, 2021. 136 с.,

- DOI: <https://dx.doi.org/10.37437/9785912941641-21-m5>
[Concept of development of competition in the field of science/S. I. Chernykh, S. V., Maksimov, L. E. Mindeli, E. V. Osipova, T. G. Smirnova, N. D. Frolova. Monograph. M.: IP РАН RAS, 2021. 136 p., (In Russ.), DOI: <https://dx.doi.org/10.37437/9785912941641-21-m5>]
8. Лопатин В. Н. О конкуренции в сфере научной деятельности, критериях ее успешности, стимулах и рейтингах // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 1(13). С. 12—30. [Lopatin V. N. About competition in the area scientific activity, criteria for its success, incentives and ratings // Russian Competition Law and Economy. 2018;(1(13)):12-30, (In Russ.)]
 9. Клеева Л. П. Последствия современного реформирования отечественной науки // Концепции. 2021. № 1(40). С. 16—20. [Kleeva L. P. Consequences of modern reform of national science // Концепции. 2021;(1(40));16-20, (In Russ.)]
 10. Бояринцев В. И., Фионова Л. К. Война против разума. М., 2010. 63 с. URL: https://mir-knig.com/read_190690-1. [Boyarintsev V. I., Fionova L. K. War against reason. M., 2010. 63 p., URL: https://mir-knig.com/read_190690-1], (In Russ.)]
 11. Bishop D. Nature's OA fee seems outrageously high — but many will pay it (December 1st, 2020) / Bishop D. // <https://www.timeshighereducation.com/blog/natures-oa-fee-seems-outrageou> (Дата обращения: 25.05.2022).
 12. Наука, технологии и инновации России: 2021. / Крат. стат. сб., М.: ИП РАН РАН, 2021. 128 с., <https://dx.doi.org/10.37437/9785912941634-21-sb3> [Science, Technology and Innovation of Russia: 2021./Krat. stat. Sat., M.: IP РАН RAS, 2021. 128 p., (In Russ.), <https://dx.doi.org/10.37437/9785912941634-21-sb3>]
 13. Гаухман Л. Д. Слово о науке. М.: Институт «ЮрИнфоР-МГУ», 2011. 37 с. [Gauhman L. D. Word of Science. M.: Institute "YurInfoR-MSU", 2011. 37 p., (In Russ.)]
 14. Сухарев О. С. Институциональные проблемы развития российской науки и возможности их преодоления // Инвестиции в России. 2021. № 2(313). С. 3—14. [Sukharev O. S. Institutional problems of the development of Russian Science and the possibility of overcoming them // Investments in Russia. 2021;(2(313)):3-14, (In Russ.)]
 15. Сухарев О. С., Спасенников В. В. Трансформация высшего образования: преодоление конфликта компетенций и фундаментальности // Эргодизайн. 2020. № 3(9). С. 107—119, <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2020-3-107-119> [Suharev O. S., Spasennikov V. V. Transformation of higher education: overcoming the conflict of competence and fundamentality // Ergodesign. 2020;(3(9)):107-119, (In Russ.), <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2020-3-107-119>]
 16. Клеева Л. П., Максимов С. В. «Открытая» наука: критический анализ нового проекта ЮНЕСКО // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1. С. 22—29, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-1-25-22-29> [Kleeva L. P., Maksimov S. V. Open science: a critique of a new UNESCO project // Russian Competition Law and Economy. 2021;(1(25)):22-29, (In Russ.), <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-1-25-22-29>]

Сведения об авторах

Клеева Людмила Петровна: доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором проблем интеграции науки и образования Института проблем развития науки Российской академии наук (ИП РАН РАН); профессор Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
lucy45@yandex.ru

Максимов Сергей Васильевич: доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем развития науки Российской академии наук (ИП РАН РАН)
sergeymax2006@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2022
Одобрена после рецензирования: 27.05.2022
Принята к публикации: 30.05.2022
Дата публикации: 29.06.2022

The article was submitted: 11.05.2022
Approved after reviewing: 27.05.2022
Accepted for publication: 30.05.2022
Date of publication: 29.06.2022